

Предисловие

Для чего я пишу эту книгу? Не знаю... Спустя годы после освобождения мне все еще снятся кошмары о том, что я в тюрьме... И наверное, мне необходимо выговориться, чтобы «отпустить» произошедшее и больше об этом не думать. И еще — для того, чтобы при непрекращающихся вопросах: «А как это было? А что там было?» — я могла бы спокойно отослать к этому тексту, не пересказывая все это снова и снова...

С самого начала хочу предупредить, что в этой книге не особо много будет о моем уголовном деле. Я хочу сконцентрироваться именно на изображении российской женской тюрьмы. Именно это будет главным!

О написании книги я задумалась, еще находясь в самой тюрьме, то есть в следственном изоляторе — СИЗО. Там я прочитала бестселлер «Оранжевый — хит сезона» об американской женской тюрьме. Я подумала — а почему бы и мне тоже не описать всю эту изнанку странного тайного места, о котором не принято распространяться в обществе? Говорят, по статистике треть нашего населения или сама сидела, или имеет родных-заключенных. И часть этих «сидельцев» — женщины. Чьи-то мамы, сестры, дочери... И то, что с ними происходит, когда они попадают в систему, не знает никто! Так что, возможно, найдутся желающие почитать об этой «дивной» стороне российской жизни.

Поэтому кому интересно послушать про «девочку и тюрьму», «девушку в автозаке» — погнали!

APECT

Меня арестовали 28 февраля 2016 года. Это был обычный день, обычное февральское воскресенье. Тихо падающий снег, малолюдный транспорт, сонные прохожие... И выходя в то утро из своей квартиры, я даже не представляла, что вернусь обратно лишь спустя два года и семь месяцев...

Ничего не предвещало такого внезапного поворота в моей жизни. Раз! В один щелчок! Это было ошеломляющее квантовое перемещение из моего привычного уютного мирка в совершенно другую вселенную... Именно так! Поэтому самой близкой аналогией того, что произошло со мной в тот день, является космический трип «прораба Владимира Николаевича», который буднично пошел купить макароны, а оказался на планете Плюк¹.

Так и я — буднично и привычно пошла в торговый центр «Атриум», в центре Москвы, а перенеслась на «планету Сизо». Меня резко выдернуло из моего мира, и я оказалась лишена привычных вещей — от зубной щетки до подушки — и оторвана от родных, друзей, просто знакомых... Попала во вселенную с потусторонними законами, правилами, понятиями, с особой парадигмой и языком, населенную чуждыми мне обитателями... Я попала в мир, с которым ранее сталкивалась только в фильмах и книгах, но не в реальной жизни...

Каждый, кто слышал мою историю и с кем я говорила в процессе происходящего или уже потом, произносил одно слово: «Бред!» И это правда было для меня невероятным бредом, нелепой фантаσμαгорией! Совершенно неожиданной и внезапной чушью! Поэтому и сам арест в «Атриуме» я помню обрывками, рваными, неумелыми монтажными склейками...

...На каком-то из этажей торгового центра ко мне со спины подходят три или четыре крупных молодых человека, берут под руки, быстро куда-то ведут... Спуск по лестнице... Вот мы уже в лег-

---

¹ Речь о фильме Г. Данелии «Кин-Дза-Дза».

ковой машине: я на заднем сиденье, крепко зажата между этими парнями, даже рукой не двинуть... Они что-то говорят про то, что я задержана. Они улыбаются. Они выглядят симпатично: крепкие, хорошо одетые, даже харизматичные. И самая яркая моя мысль на тот момент: «Это, наверное, кино... Это нереально!»

Да! С того момента и началось ощущение нереальности происходящего, которое так и не покинуло меня до конца ареста. Впоследствии, находясь уже или в СИЗО, или в автозаке, или в «клетке» на судебном заседании, я смотрела вокруг и говорила: «Это нереально! Это происходит не со мной!» Настолько все было диким, чуждым, инородным...

Поэтому сейчас, когда я думаю о том, через что мне довелось пройти, я воспринимаю все это как некий фильм, который я долго-долго смотрела, но у моего персонажа была даже не главная роль... А скорее роль статиста, просто человека из массовки...

Допрос

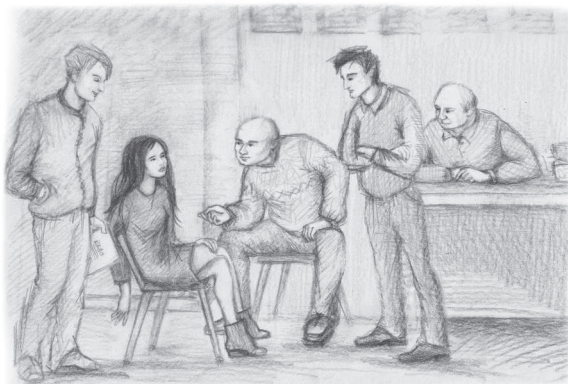
Совсем не помню, как очутилась в одном из кабинетов на Петровке 38, в том знаменитом по романам Юлиана Семенова п-образном здании. Мы должны были пройти через КПП, но мое сознание, все еще нокаутированное, ничего не зафиксировало.

Но кабинет уже помню. Да и как его не помнить, если я провела в нем часов девять! У меня забрали сумку, порылись в ней, вынули мои документы. Забрали пуховик, длинный шарф и bluetooth-гарнитуру.

Посадили на стул, который стоял посередине небольшой комнаты, очень скудно и совково обставленной. Напротив — письменный стол, на стенах — развешаны портреты каких-то прославленных сотрудников этих самых органов. «Внутренних органов»... Парни, которые меня привезли, и еще подошедшие молодые люди (вряд ли кто-то из них был старше сорока) окружили меня. И все — кто сидя, кто стоя, и даже нависая надо мной — стали слаженно и в унисон меня допрашивать.

Это были те, кого называют «оперативниками». Проникновенными голосами они говорили о том, что произошло страшное преступление — двойное убийство! Они описывали его кровавые подробности, они требовали, чтобы я подтвердила свое участие в этой бойне. О-о-о! Для меня все эти слова звучали как абсолют-

ные нонсенс и нелепость, и я, разумеется, ничего не могла подтвердить. Ни слова! Да я даже и поверить не могла в их слова — ну никак!.. Потому что известие об убийстве моих друзей было для меня совершеннейшим шоком. Я не могла просто напросто «въехать» в эту информацию — не то что бы как-то это даже прокомментировать...

По фильмам я смутно помнила, что в данной ситуации я вроде бы имею право на звонок. Правда, смотрела я, в основном, американские детективы. «Звонок адвокату», «правило Миранды», «вам ясны ваши права?» — все эти фразы записались на подкорку... И я многократно прошу дать мне позвонить. А в ответ звучит «нет!» и «нет!»... И все эти голливудские картинки разбиваются вдребезги о нашу реальность...

Оперативники продолжают по очереди, хором, вразной кидать в меня фразы. Продолжают наседать и кружить вокруг меня. Кто-то подходит ближе, кто-то сходит с этой «карусели», потом снова на нее садится... И это кружение не прекращается до глубокого вечера. На просьбу выйти в туалет, попить воды или хотя бы взять салфетку из своей сумки я снова слышу «нет!» и «нет!»... И немолкаемый ни на минуту словесный прессинг. А я зависла в ожидании, что все это вот-вот прекратится, что передо мной извинятся за «недоразумение», и я, наконец, пойду домой...

Они говорят много и говорят разное. С увещательными интонациями. И мое сознание даже не фиксирует, что именно... Но одну фразу, глубоко меня пронзившую, помню отчетливо:

«Сколько лет твоей маме?.. Скоро семьдесят? Что ж, увидишь ее лет через семь в лучшем случае, а может и вообще не увидишь!» О-о-о!..

Тверской СО

Из здания на Петровке оперативники выводят меня уже под ночь. И снова, зажав меж собой, придерживая за предплечья, пешком ведут через несколько улиц, куда-то ближе к Тверской. Потом я уже хорошо изучила этот Тверской СО — следственный отдел, находящийся где-то на задворках моей любимой улицы. Но тогда я была совсем дезориентирована. И на тот момент я, конечно же, не подозревала, что дальше меня будут водить по улицам моего города уже только в наручниках и только люди в форме... А пока со стороны мы выглядим как обычная дружеская компашка, куда-то очень спешащая...

Входим в неприметный подъезд бежевого сталинского особняка, поднимаемся по крутым лестницам. На четвертом, верхнем этаже меня заводят в кабинет. К следователю. Таким образом одна структура, оперативная, передает меня «с рук на руки» другой структуре — следствию. Следователь — человек совсем другого типа. Тоже молодой парень, но сутулый и худой. Белобрысый, какого-то болезненного вида, с красноватым лицом. Нервный и суетливый. Хотя в неплохом костюме и с дорогими часами. Он представляется: «Ливанов Владимир Владимирович, следователь Тверского СО», с явным удовольствием произнося свои имя-отчество. И утыкается в бумаги, которыми завален его письменный стол. Да и вся эта крохотная комнатка выглядит крайне захлавленной, загроможденной офисной техникой и разными предметами. Все поверхности: стол, тумбы, подоконник, даже стулья — утопают под бумагами и папками.

Я задаю вопрос: «Можно ли мне позвонить?» Ливанов отвечает, что нельзя. Тогда спрашиваю: «Можно ли мне сходить в туалет?» Он, пожевав губу, разрешает. Я прошу взять с собой свою сумку, которую Ливанову передали оперативники, и теперь она валяется среди бумаг. Он пожимает плечами, передает мне сумку, но велит вынуть телефон. Я заглядываю в сумку. Телефон — «самсунговский» смартфон — на месте, и я передаю его следователю. Мы выходим из кабинета. Идем в самый конец узкого коридора. Ливанов пристраивается с сигаретой у подоконника и кивает на дверь в туалет — мол, заходи! Я захожу, прикрываю за собой дверь. Он не протестует.

Наконец, впервые за весь день я одна! Оглядываюсь. Это достаточно большое помещение. Видимо, туалет для сотрудников следственного отдела. Высокий шкаф с бытовой химией, зеркало, блестящая раковина, жидкое мыло, бумажные полотенца... Я включаю воду и лихорадочно роюсь в сумке. И — ура! Есть! В одном из многочисленных карманов сумки нахожу свой второй телефон. В целости и сохранности! Эта крошечная кнопочная Nokia была куплена мною в первую очередь из-за невероятного цвета. Я просто не могла устоять перед таким насыщенным ядерным оттенком фуксии! И второй аргумент для покупки — «про запас, на тот случай, если смартфон разрядится». Но я так толком и не пользовалась этой запасной трубкой. Разве что как вторым будильником. И теперь даже не знала, есть ли на этом телефоне еще деньги, можно ли по нему звонить.

Я ни секунды не раздумываю, кому позвонить. Потому что единственный номер, который помню наизусть — Андрея Мигачева, своего собрата по сценарному клубу «Диктатура», и этот номер не менялся у него со времен ВГИКа...

Набираю номер. Ура! Идут гудки! Ура! Андрей снимает трубку! Я полушепотом рассказываю о своей безумной ситуации. Стараюсь максимально точно описать, где именно сейчас нахожусь. И несмотря на внезапность и абсурдность услышанного, Андрей с полуслова включается в разговор. Спокойным уверенным голосом говорит, чтобы я не волновалась. Что мы еще над всем этим посмеемся — сегодня же, после того как меня отпустят. А сейчас он пришлет ко мне друга, адвоката, который во всем разберется...

— И без адвоката ничего не говори. Ни слова! Слышишь — ни слова! — это финальная инструкция Андрея.

Я отключаюсь, засовываю телефон в карман леггинсов TopShop. И под длинным объемным свитером даже не видно, что у меня вообще есть карманы. Споласкиваю лицо и смотрюсь в зеркало. И не узнаю себя — какое-то чужое осунувшееся лицо! Глаза провалились, болезненно блестят... Я вспоминаю, что уже почти 12 часов подряд я ничего не ела и не пила. Вдруг соображаю, что еще немного и в организме что-то надорвется! От обезвоживания как минимум. Ведь до этого момента я никогда в жизни не жила без какого-либо питья так долго. Просто не доводилось! В этом смысле я, как и все современные городские жители, была очень избалована. Ведь здесь, в мегаполисе, всегда имеется под рукой еда и вода.

Утолить голод или жажду можно где угодно: в кафешке, в магазине, хоть у входа в метро... А тут 12 часов «всухую», на одном адреналине. Невероятно! И я заставляю себя сделать несколько глотков воды прямо из-под крана...

А в дверь уже стучат... Я выхожу — приободренная, с уверенностью, что скоро все закончится. Осталось только дожидаться адвоката...

И вот я снова перед Ливановым и в его кабинете. Он сообщает, что подошел адвокат и «сейчас начнется мой допрос». Начнется допрос? А все эти 12 часов — что это тогда было? И еще думаю — как же здорово, что мой адвокат пришел так быстро: ведь с момента разговора с Андреем прошло минут пятнадцать, не больше! В кабинет входит высокий импозантный мужчина лет сорока, в дорогом костюме. Ливанов говорит, что это адвокат Верховцев и он будет представлять мои интересы.

Адвокат предлагает переговорить пару минут со мной наедине. Ливанов выходит. Я уверена, что это и есть мой «дружеский» адвокат, но на всякий случай спрашиваю: «Вы же от Андрея?» И к моему изумлению он отвечает: «Нет... Какого Андрея?»

Что? Кто этот тип? Откуда он взялся? Верховцев объясняет, что его попросил приехать следователь, и что он как раз был свободен, и поэтому он тут, чтобы мне помочь.

Потом я уже не раз слышала описание аналогичных ситуаций, как после ареста человеку предлагается адвокат. Предлагается следствием. И потому что он положен по закону, иначе ни одно следственное действие не будет считаться допустимым. Но еще и потому, что такой «дежурный» адвокат, подсказывающий по звонку следователя, как правило, «подсадной». То есть под личиной защитника он, по сути, выступает в роли того же следователя. Вытягивая под маской участия ту информацию, которую следствие будет использовать при обвинении. Прося и вразумляя сделать так, как нужно следствию: «...Вариант один — признай, подпиши, получишь по минимуму...» И очень многие свежearестованные — напуганные, измотанные — поддаются на такие уговоры и подписывают все, что просит следователь. В этом, по сути, и состоит работа по сбору доказательств со стороны обвинения. Любым способом получить признание вины человека. И происходит это при участии такого «прикормленного» адвоката...

Я вижу, что Верховцев очень старается выглядеть дружелюбно и участливо, но в моем случае это не помогает. Он не от Андрея. Он чужой! Как же мне объяснить, что я не согласна с тем, что мне предлагают?..

— ...Понимаете, я жду другого адвоката. Сейчас должен приехать адвокат, которого нашел мой друг, и вы мне совсем не нужны...

— Ничего страшного, э-э-э... Людмила Владимировна, давайте я побуду с вами до прибытия вашего адвоката. Ведь вы же не можете участвовать в допросе без защитника!

— Но почему нельзя дождаться моего адвоката? И провести допрос с ним? Он появится с минуты на минуту!

— А с чего вы вообще взяли, что он появится? Вы что, разговаривали с ним? Когда? Как?

— Я поговорила с другом по телефону. У меня есть второй телефон — вот он, и его у меня никто не забирал...

Верховцев удивленно смотрит на мою ярко-розовую «нокию» и выходит в коридор. И тут же в кабинет залетает Ливанов, со свирепым видом выхватывает телефон из моих рук.

— Так, начинаем допрос! В «качестве свидетеля», — Ливанов садится за стол, и заполняет первую бумагу, первый протокол...

И начинается тягостная процедура «допроса». А по сути просто заполнение протоколов, где сначала я значусь как «свидетель», потом — как «подозреваемая», потом — как «обвиняемая»... Фиксируется время: начало и окончание первого допроса, второго допроса... Записываются слова «в присутствии защитника Верховцева...» Но на тот момент все это звучит для меня чуть более понятно, чем китайский язык. И только потом, когда все эти документы оказались у меня на руках, и я уже научилась разбираться в юридических терминах, они как-то идентифицировались в моей голове...

Марк

Ливанов стремительно что-то пишет, делает ошибки, чертыхаясь, хватая новые бланки, пишет заново... Но как бы он ни спешил, в самый разгар писанины открывается дверь и на пороге появляется человек: «Здравствуйте, меня зовут Марк Каверзин, я представляю интересы Людмилы Вебер». Ура! Наконец-то!

Марк просит минуту наедине, и Ливанов с Верховцевым с кислыми лицами выходят в коридор.

У Марка потрясающая внешность. Мощная, сильная фигура, спокойнейшее восточное лицо буддийского божества. Я вижу его в первый раз в жизни, но первое, что он делает — обнимает меня. И мне не надо даже спрашивать, от Андрея ли он. Это понятно и без слов. От него пахнет каким-то родным мужским парфюмом, и я дрожу от распирающих меня эмоций. Делаю сверхусилия, чтобы не разрыдаться. Марк это чувствует, гладит меня по голове и шепчет: «Ш-ш-ш... Все будет хорошо, не волнуйся!» От него исходят уверенность и надежность, и мне становится легче...

— Ты говорила что-нибудь?

— Нет... Но я ничего не знаю, мне и нечего говорить! Я вообще не понимаю, что происходит!

— Подписывала что-нибудь?

— Нет. Мне пока не давали ничего подписывать.

— Очень хорошо. Значит, я вовремя.

— Меня ведь сейчас отпустят?

— Я сделаю все, что смогу, положишься во всем на меня...

Марк вышел в коридор и вскоре вернулся в кабинет вместе с Ливановым и Верховцевым. Те выглядели не очень радостно, но держались учтиво. Марк сосредоточенно изучил кипу документов, которые уже были собраны в картонной папке с надписью «Дело». Затем допрос возобновился, и Ливанов был вынужден вписать в протокол то, что с такого-то времени «допрос продолжен в присутствии защитника Каверзина». А дальше Марк вписал в эту бумагу уже свои замечания: было видно, что он прекрасно владеет ситуацией и знает, что делать, что писать...

Вот так, с места в карьер, он стал моим защитником... А мне нужно было только смотреть на Марка и делать то, что он говорит. Потому что он знал этот «китайский язык», а я — нет. И потому что он был единственным человеком в этом помещении, которому я доверяла абсолютно. Ведь его прислал мой друг, которому я так же безоговорочно верила. Марк сказал: «Доверься мне и делай, как я скажу!» Я и доверилась...

И только теперь, спустя 15 часов после задержания, я услышала, что никакого убийства не было. Все те кровавые ужасные подробности, которыми оперативники давили на меня все это время,

чем «прессовали», пытаюсь «взять на испуг», — все это было выдумкой, бредом, как я с самого начала и подозревала..

Помню, был задан вопрос: «Признаете ли вы свою вину?»
Признаю вину? В этом невероятном преступлении? Нет! Категорически нет!..

Ливанов дает нам бумаги на подпись, потом набирает номер на стационарном телефонном аппарате: «Веди Коробченко».

В кабинет заходит незнакомый молодой человек, улыбается, здоровается со всеми, а вслед за ним появляется.. Виталик. Вернее, я не сразу узнаю Виталика в этом осунувшемся, смотрящем куда-то в пол хмуром мужчине. Хотя видела его лишь сколько-то часов назад, и он вроде бы был в этой же одежде. Именно после встречи с ним в «Атриуме» я и была арестована. И у меня вспыхивает какой-то проблеск понимания того, что сейчас происходит.

Улыбчивый парень представляется: «Защитник Лукашин, в пользу обвиняемого Коробченко». Он садится на единственный оставшийся свободным стул. Виталик остается стоять у двери.

Ливанов начинает заполнять протокол и спрашивает Виталика, «подтверждает ли он свои ранее данные показания о том, что Вебер является заказчиком убийства Фетюхова?»

Виталик не отрывает взгляда от пола:

— Да, подтверждаю..

У меня внутри все падает. Я ошеломленно смотрю на Виталика. Как он может такое говорить?! Виталик! Ну ладно, он не близкий друг, но очень хороший знакомый, с которым мы достаточно долго работали вместе. Потом частенько встречались, обсуждали совместные проекты, строили планы.. И Виталик неизменно демонстрировал, как тепло и по-дружески ко мне относится.. Я не могла поверить своим ушам. Этого просто не могло быть! Это нереально!

Но это происходило. И это было реально. Ливанов с удовлетворением записал сказанное Виталиком.

— Вебер, что вы можете сказать по поводу показаний Коробченко? Подтверждаете?

— Что? Конечно, нет! Это совершенная глупость!

В дело вступает Марк:

— Нет, не подтверждает.

Ливанов хмыкает, записывает слова Марка, затем дает всем участникам «очной ставки» расписаться, и Виталик с адвокатом уходят.

Ливанов, пряча зевок, объявляет об «окончании следственных действий». На часах — три утра. Получается, меня допрашивали примерно 18 часов подряд. Потом из рассказов заключенных я узнала, что это далеко не рекорд. А скорее «лайтовая версия». Я услышала о допросах, длящихся дня по три. Кого-то в течение этих суточных допросов ненадолго выводили в коридор, и им удавалось подремать на стуле. Кого-то держали «в актовом зале»... Но в среднем, по услышанным мною историям, допрос длиной в сутки — это совершенно нормально. Сотрудники допрашивают, сменяют друг друга, едят, спят, когда им надо, а допрос идет своим чередом. Все в старых добрых традициях, описанных Солженицыным или Гинзбург. Почти ничего не поменялось...

Пожалуй, поменялось только то, что арестованных в общем и целом уже не били. Во всяком случае лично меня и пальцем даже не тронули! По рассказам других, их в основном тоже не трогали. Но я говорю только про женщин. С мужчинами, возможно, все по-другому. А с женщинами бывали лишь единичные случаи, когда их при допросах били, пинали ногами и так далее. Именно при допросах. А вот о том, как избивали при задержании, я слышала чаще. Но, как правило, это происходило при сопротивлении аресту. И скорее уже с бывальыми преступницами, причем с девиантными замашками. Я видела своими глазами справки о побоях, выданные таким женщинам при поступлении в СИЗО. Так что да, это факт — побои после ареста в том или ином виде бывали. Но, повторяю, скорее как исключение, чем правило. А главным «насилием», пусть и опосредованным, оставалось лишение человека на многие-многие часы сна, еды, воды!..

Верховцев бурчит: «До свидания...», и спешно покидает кабинет. Я спрашиваю Ливанова: «Теперь вы меня отпустите?» Он молчит пару секунд и бросает, глядя куда-то в сторону: «Нет!» И тут меня охватывает леденящий ужас...

И тогда Марк снова попросил пару минут наедине со мной. Когда мы остались в кабинете вдвоем, он сказал, что следствие имеет право держать меня первые 48 часов, но заключать меня под стражу или нет — это будет решать суд, который состоится или завтра, или послезавтра. И что мне необходимо